

УДК 811.161.2+81'342/344]+38

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОННОТАЦИИ СОНОРНЫХ В УКРАИНСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ХХХХІ СТ.

Украинец Л.Ф.

*Полтавский национальный педагогический университет им. В.Г. Короленко, Полтава,
e-mail: ukrayinetz@mail.ru*

В украинском поэтическом дискурсе ХХХХІ ст. проанализированы ассоциативные перспективы сонорных консонансов [р], [р']; [л], [л:], [л'], [л':]; [н], [н:], [н'], [н':]; [м], [м:], [в], [в:], [й] как эмоциональная и смысловая доминанта эстетического отображения явлений объективной действительности. Результаты ассоциативного эксперимента, в котором принимали участие 182 респондента (студенты и магистранты факультета филологии и журналистики; возраст от 18 до 22 лет), позиционируют эту лингвостилистическую категорию на уровне концепта внушаемости прагматически и семантически мотивированных национальных констант.

Ключевые слова: коннотация, сонорные согласные, ассоциация, прагматическая функция, модальность, поэтический язык ХХ-ХХІ ст.

THE SEMANTIC AND PRAGMATIC POTENTIAL OF RESONANTS' CONNOTATION IN THE UKRAINIAN POETIC DISCOURSE OF XX-XXI CENTURIES

Ukrainets L.F.

Poltava V.G. Korolenko National Pedagogical University, Poltava, e-mail: ukrayinetz@mail.ru

The associative prospects of resonant consonants [p], [p']; [l], [l:], [l'], [l':]; [n], [n:], [n'], [n':]; [m], [m:], [v], [v:], [j] are analyzed both emotional and semantic dominant of aesthetic representation of objective reality's phenomena in the Ukrainian poetic discourse of the XX-XXI centuries. The results of the associative experiment that has involved 182 respondents (students and postgraduates of the Faculty of Philology and Journalism between the ages of 18 and 22 years old) position this linguistic and stylistic category on the level of pragmatic and semantic suggestibility concept of motivated national constants.

Keywords: connotation, resonant consonants, association, pragmatic function, modality, poetic language of XX-XXI centuries

Коннотационный потенциал согласных в украинском поэтическом языке ХХХХІ ст. является своеобразным кодом эстетически мотивированной информации, позиционированной как имплицитная сущность, которая детерминирует стратегию отображения фрагментов объективной действительности средствами произвольной интерпретации конвенциональной природы языкового знака. Среди вербальных единиц, которые объединены разными типами связи и имеют целенаправленную прагматическую установку на эстетическое формирование имплицитных поэтических образов, сонорные консонансы [р], [р']; [л], [л:], [л'], [л':]; [н], [н:], [н'], [н':]; [м], [м:], [в], [в:], [й] в аспекте авторских интенций чаще других инициируют систему звуко-смысловых корреляций. Как известно, художественный образ в субъективном представлении человека моделируется и на уровне внешней формы номинативных единиц (А. Потебня), поэтому изучение коннотационных перспектив этих акустически выразительных консонансов, экспонирующих статус текстообразующих «эмоциональных доминант значения» (Е. Петрищева, С. Берлизон), является своевременным и, бесспорно, актуальным направлением в изучении языковых явлений

как лингвостилистических универсалий. Акустическая выразительность максимально звучных консонантных единиц фонетической системы современного украинского литературного языка (тональность сонорных «своей периодичностью приближается к тональности гласных» [8, с. 134]) определила цель исследования: дополнить концептуальную схему интенционального восприятия поэтического языка новыми сведениями об усложнении эстетического образа объективной действительности интеллектуальными и эмоционально-эстетическими имплицитными компонентами формирования дискурсивного значения – фонетическими коннотациями сонорных.

Материалом исследования послужил язык стихотворений таких известных украинских поэтов ХХХХІ ст., как П. Тычина, М. Рильский, М. Семенко, Г. Чупринка, В. Стус, И. Драч, Л. Костенко и др. (всего 97 писателей), которые отражают языковую картину мира в художественных образах, адекватных национальному типу мышления и позиционируют эстетическое совершенство звукописи. Методом сплошной выборки собрано и внесено в картотеку 1377 примеров стилистически маркированных фонетических единиц, среди которых

328 принадлежат сонорным консонансам (общий объем страниц, содержащих проанализированные поэтические строки, превышает 18000). Наблюдение интра- и экстралингвистических условий порождения сонорными ассоциаций (в итоге и коннотаций), свойственных украинскому поэтическому языку ХХХХІ ст., осуществлено благодаря описательно-аналитическому методу с элементами сравнительного и сопоставительного анализа. Поскольку фонетическая коннотация – это не только языковое (речевое) явление, но и феномен человеческого сознания, в рамках семантико-стилистического анализа был использован прием ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 182 респонденты – студенты и магистранты Полтавского национального педагогического университета имени В.Г. Короленко (г. Полтава, Украина). Результаты ассоциативного эксперимента подтвердили исключительную роль эмоциональных различий звуковой структуры поэтического языка как эстетически мотивированной формы коммуникации. В отношении сонорных это логично, поскольку уникальную способность этих фонетических единиц – формировать ассоциативно-коннотационный потенциал языка – заметил еще М. Ломоносов, акцентируя внимание, в частности, на р, который имеет «произношение звонкое и стремительное», а также на «плавкие в, л, м, н», которые «имеют произношение нежное и потому пристойны к изображению нежных и мягких вещей и действий» [7, с. 241]. В современном славянском языкознании [р]-[р'], [л]-[л'], [н]-[н'], [м], [в], [й] уже традиционно (А. Журавлев, В. Левицкий) воспринимают как обязательные элементы моделирования вербализированной эстетики и семантики, поскольку символические характеристики – приятный-неприятный, холодный-теплый, светлый-темный, сильный-слабый, большой-маленький, быстрый-медленный, твердый-мягкий и др. – это своеобразные «синестемические символы» (С. Воронин), дифференцирующие в субъективном семантико-прагматическом пространстве поэтического дискурса интенсивность проявления текстуальной информации. В украинском языке частота употребления репрезентирует эту категорию фонетических единиц высшего и наивысшего ранга [9, с. 141] как артикуляционно-акустические сегменты с дополнительными, но ярко выраженными семантическими и эмоциональными «скрытыми семами»[4] даже вопреки слабой контрастности, ведь экспериментально доказано: «Сонорные (и особенно плавные) в заударном сло-

ге (и особенно перед ы/и) сильнее всего изменяются в качественном отношении. В этой позиции они обладают минимальной контрастностью и чрезвычайно низкой опознаваемостью» [5, с. 84; 3, с. 2027]. Не в последнюю очередь для восприятия этой категории звучных единиц важную роль играет графический фактор: порождение дополнительных прагматических значений приобретает системный характер только в случае оперирования «оптическими самовольными галлюцинациями» [1, с. 212]. Поэтому интерпретация синтагматического доминирования сонорного [й], например, находится за гранью коннотационных акцентов, поскольку ассоциативной идентификации этого консонанса частично мешают кодификация его графического образа (я [йа], ю [йу], є [йе], і [йі]), подчинена прежде всего исторической традиции. В процессе ассоциативного семантико-стилистического эксперимента было установлено, что дрожащие [р]-[р'] принадлежат к тем выразительным артикуляционно-акустическим жестам украинского поэтического языка ХХХХІ ст., которые формируют его семантическое пространство аудиальной, визуальной, стилеобразующей, философской и кинестетической коннотацией, направляя интеллектуальную деятельность раскрепощенного сознания (Н. Молотаева) на смену мирозерцательных и аксиологических парадигм художественно-концептуальной картины мира. В разные периоды эволюционной динамики ментально-вербального отображения эстетики бытия аудиальная коннотация дрожащих [р]-[р'] демонстрирует стратегию ядерной «скрытой семы» (нач. ХХ ст. – 77,06%; сред. ХХ ст. – 90,86%; кон. ХХнач. ХХІ ст. – 76,03%) и является результатом интерпретации прежде всего таких ассоциативных впечатлений, как звуки разбушевавшейся стихии (ветер, треск сломанных деревьев, раскаты грома, шум бури, урагана и др.): *Буря вие, завиває, І сосновий бір трощить; <...> Грім, за громом грюкотить... Грім, що гримне, в берег гряне... Грім додолу в карах-карах Грякне й все займеться* (А. Метлинский). Визуальная, аудиально-визуальная коннотации принадлежат к периферийным стилистическим оттенкам [р]-[р'] поэтической речи начала и середины ХХ ст. (соответственно 8,21% и 6,94%), коррелируя с трагическим ассоциативом-символом, который интенсифицирует восприятие художественного образа, – кровь (Е. Маланюк). Поэтическому языку ХХІ ст. визуальная коннотация дрожащих не свойственна: в этот период художественный тип коммуникации корреспондирует тенденцию моделировать философскую (9,53%)

и кинестетическую (7,68%) коннотации. Стилеобразующая коннотация – это, условно, спорадическая интенция (2,21%) коннотационного поля дрожащих, актуализированная в поэтическом дискурсе середины XX ст. как окказиональная (субъективная) характеристика.

Плавные сонорные [л], [л:], [л'], [л':] традиционно постулируют напевность и ассоциативную мягкость украинского поэтического языка: *Лине легіт, легко-легко Гладить липи. Літо мріє. Нахилив голівку глеком Цвіт лілей у літургії. Хвиля лагідно колише Білутінь крила лелеки. І коли вже... і коли вже Хмелем липня перелиже Ласку слів і спів далекий?* (Лидия Далэка). Специфика фоностилистической интерпретации звукового континуума с доминирующими артикуляционно-акустическими консонансами [л], [л:], [л'] та [л':] подчинена феноменологическим закономерностям моделирования измерений художественного текста вследствие его эмоционально-чувственного переживания, поэтому по сравнению с эмоционально-экспрессивной, визуальной, кинестетической и коннотацией пантопохронических макропараметров объективной действительности в разные периоды функционирования украинского поэтического языка эстетическая категория лингвопоэтики (нач. XX ст. – 35,36%; сред. XX ст. – 33,43%; кон. XX поч. XXI ст. – 23,27%) имеет статус ядерной имплицитной семы.

Губной сонорный [в] и его аллофоны [w], [v], [v'], [ÿ] в украинском поэтическом дискурсе подчинены формированию семантико-прогностических свойств лексемы вітер: *Вишневий цвіт З вишневих віт Вишневий вітер Звіває з віт* (И. Драч); *І вітер віяв із вечірніх плес;* Вітри війнули з півдня (Л. Костенко). В этом случае “звукосимволика фонической единицы словно “касается» определенной внутренней гранью к лексеме, фон для которой создает звуковой повтор” [2, с. 52]. Даже если украинские лингвисты убеждены, что неправомерно отождествлять российский и украинский согласный звук [в], «поскольку разные характерные черты их создания обуславливают позиционное своеобразие» [Дорошенко, 2009: 26], бальмонтовские строки *Я вольный ветер, я вечно вею, волну волны, а также:* Вечер... Взморье. Вздохи ветра. Величавый возглас волн («Челн томленья») объективируют мысль об универсализации коннотационных свойств согласных [в]-[в'] в рамках восточнославянской традиции версификации. Подобная имплицитная конкретизация семантических приоритетов коннотационного поля [в] доминирует в разные периоды функционирования укра-

инского поэтического языка, позиционируя, тем не менее, тенденцию к постепенному сокращению таких фоностилистических корреспонденций (нач. XX – 78,4%; сред. XX ст. – 69,21%; кон. XX – нач. XXI ст. – 20,51%).

На уровне реализации импрессивной функции языка как специфической формы прагматического выражения интенций билабиальные носовые [м]-[м'] мотивируют фоносемантические особенности украинского поэтического дискурса XXXXI ст. процессами порождения прежде всего психологической, аудиальной, эстетической коннотации в зависимости от смысловых предпочтений функционирования лексем в контексте эстетического высказывания. Поскольку билабиальные [м]-[м'] принадлежат к немногим артикуляционно-акустическим типам, эстетически мотивированная семантизация которых является результатом моделирования звуковых образов, гармонирующих с мимикой лица (*Ф. Зелинский*), в поэтическом дискурсе психологическая коннотация, естественно, доминирует (нач. XX ст. – 29,08%; сред. XX ст. – 33,35%; кон. XX ст. – 32,19%), традиционно опираясь на ассоциации печальной, иногда траурной тональности: *Я умру. Але вмерти не можуть Мої мрії-думки* (М. Семенко). Иницируя звуки медных труб (*Мідяно горла ремствує сурма* (В. Стус); цокот конских копыт (*Але на мідному майдані <...> Сіяє в віщомутумані Симфонія мускулатур* (М. Рыльский); звукоподражание стихии (<...> *під снігом глухим Здрігались та й думали: грім! І, може, приснилося їм Гудіння бджолине, а нам... А нам – догадаєшся сам – Приснилось як сонце* грало (В. Свидзинский), аудиальная коннотация позиционирует потенциальную ядерной макросемы (нач. XX ст. – 29,74%; сред. XX ст. – 13,58%; кон. XX ст. 28,77%).

Носовые [н], [н:], [н'], [н':] детерминируют дополнительную «экспрессивную окраску» (Д. Шмелев) на основании чувственной, психологически-кинестетической энергетике художественной речи, и такой коннотационный потенциал назализации как фоностилистический ресурс детерминировал структуру имплицитной информации аудиальной, эстетической, психологической, одоративной и ритмообразующей коннотациями [н], [н:], [н'], [н':]. Репрезентантом информативной глубины украинского поэтического языка XXXXI ст. является прежде всего аудиальная коннотация дорсальных носовых [н], [н:], [н'], [н':], в основе которой – звукоподражательные аллюзии мелодического звучания колоколов (*В небі, в зоряній*

безодні Тонуть дзвони великодні, Тонуть, тонуть ніби сон. Б'ються, дзвонять тон у тон; З ними дума в небо лине, З ними никне, з ними гине Тьма заслон (Г. Чу-принка); *Тінь там тоне, тінь там десь...* (П. Тычина) и тиканья часов (*У мерехтінні маятників мідних, Округлені, як очі кам-бали, Дзигарики замовників безслідних На підвіконні цокали, шли* (Л. Костенко). Эволюционная динамика украинского художественного дискурса независимо от диахронически мотивированных эстетических коммуникативных стандартов подтвердила концептуальность аудиальной коннотации и ее ядерной статус в на протяжении всего XX ст. (59,66%; 50,22%; 64,15%), тогда как психологическая коннотация носовых [н], [н:], [н'], [н':] позиционируют отдельные аспекты авторских интенций в украинском поэтическом языке начала (25,66%) и конца (21,78%) XX ст., а ритмообразующая коннотация потенциально возможна только в середине XX ст. (18,27%).

Итак, на уровне фоносемантических средств выражения разных типов оценочных пропозиций артикуляционно-акустические характеристики согласных [р], [р']; [л], [л:], [л'], [л':]; [н], [н:], [н'], [н':]; [м], [м']; [в] (аллофоны [w], [v], [v'], [ÿ]) способствуют более глубокому перцептивному контакту с поэтическим языком как гносеологически-творческой деятельностью, способной интенсифицировать эстетический подтекст,

трансформируя денотативно-референтную плоскость поэтического дискурса в рамках субъективной модальности.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртене И.А. Об отношении русского письма к русскому языку // Избранные работы по общему языкознанию. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – Т. 2. – С. 209220.
2. Бондаренко А. Поетичний звукопис у творах Василя Стуса: феноменологічна проекція // Дивослово. – 2008. – № 1. – С. 4952.
3. Бондарко Л.В. Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем (экспериментально-фонетическое исследование на материале русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык». – Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. – 31 с.
4. Гинзбург Р.С. Реферативная соотнесенность слова и сочетаемость // Проблемы сочетаемости слов: [сб. науч. тр.] / МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1979. – Вып. 145. – С. 7992.
5. Горбачевич К.С. Зоны вариантности слов и нормы русского литературного языка // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 7786.
6. Дорошенко С.І. Про звук [в] // Наукові простори: вибрані праці; [упоряд. Беляєва Т.В., Марцин С.О.]. – Харків, 2009. – С. 2527.
7. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Полное собрание сочинений: в 10 т. – М.; Л., 1952. – Т. 7. – С. 89378.
8. Прокопова Л.І. Приголосні звуки // Сучасна українська літературна мова / за заг. ред. акад. АН УРСР І.К. Білодіда. – К.: Наукова думка, 1969. – Т. I. : Вступ. Фонетика. – С. 130178.
9. Чередниченко І.Г. Нариси з загальної стилістики сучасної української мови. – К.: Рад. школа, 1962. – 495 с.